

ОУИ НБ МГУ №102-103

О занятиях живописью, перестрелке с полицией и отсидке в Бутырской тюрьме

<http://oralhistory.ru/talks/orh-102-103>

29 апреля 1969

Собеседник

Виноградов Николай Дмитриевич

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 29 апреля 1969 и опубликована 7 июля 2017.

Введение

Основная тема бесед с Николаем Виноградовым для Дувакина была очевидна — знакомство и работа с Маяковским. Но даже в первые годы своей деятельности Дувакин старался не упускать живую нить и записывал возможно полный портрет личности и судьбы говорящего.

С Виноградовым получилось даже комично, Маяковскому оказалась посвящена только четвертая беседа, состоявшаяся спустя шесть лет после первой, в 1975 году, когда рассказчик ослеп, оглох и жил в доме для инвалидов. Собеседники были знакомы с начала 1930-х годов, относились друг к другу с большой симпатией и были откровенны. Это отношение чувствуется и в первой беседе, которая была короткой, но исключительно насыщенной. Побег в Америку, путешествие в Москву с неразменным рублём, захват в плен Константина Коровина, побег от черносотенцев, ограбление оружейного магазина, перестрелка с полицией и участие в уличной антиправительственной борьбе, отсидка в Бутырской тюрьме. И, конечно, левое искусство, о котором художник, реставратор и исследователь Николай Виноградов вспоминал легко и с удовольствием.

О своем происхождении и семье

Виктор Дмитриевич Дувакин: Вам сейчас восемьдесят три?

Николай Дмитриевич Виноградов: Да.

В.Д.: Какой год, точная дата вашего рождения?

Н.В.: 85-й.

В.Д.: Какого числа?

Н.В.: По-тогдашнему 3 мая, а теперь...

В.Д.: Значит, вот вам как раз сейчас будет скоро...

Н.В.: Восемьдесят четыре.

В.Д.: Восемьдесят четыре. Ах, год 85-й, а вам будет восемьдесят четыре года. Немножко все-таки скажите о себе. Теперь можно уже не таиться.

Н.В.: А что рассказать?

В.Д.: В какой вы семье родились? Я столько лет вас знаю. Вот вы интеллигент. А потомственный интеллигент или, так сказать, самостийный? Вы не из крестьянской семьи?

Н.В.: Нет. У меня отец потомственный почетный гражданин.

В.Д.: Значит, из купечества?

Н.В.: Нет. Из поповства.

В.Д.: Ах, так!

Н.В.: Дед прослужил пятьдесят лет попом.

В.Д.: Ага, священником. И что ж был священником или вышел?..

Н.В.: Нет, священником, он в одном селе...

В.Д.: Сельским священником?

Н.В.: Сельский, сельский да.

В.Д.: О! Ну, что ж, почтенный возраст.

Н.В.: И, значит, за вот это многолетие он получил сначала потомственного гражданина, а потом уже наклеивалось дворянина.

В.Д.: А разве такие бывали?

Н.В.: Да-да, бывали у дворян такие ситуации. Но это прекратили, как раз когда он дослужился до такого момента, так что отец остался гражданином. Потомственный почетный гражданин.

В.Д.: Значит, священству русскому тоже можно было выслужиться и получить звание почетного гражданина? Потомственный почетный гражданин?

Н.В.: Потомственный почетный гражданин.

В.Д.: И когда вы родились, то он еще был священником. Это дед. А отец?

Н.В.: А отец у меня был земским фельдшером. Ведь в те времена эти духовные места были потомственными: наверное, от отца переходило к сыну и так далее. У деда было четыре сына, и ни один

из них в поповство не пошел.

В.Д.: Ну, это уже время было. 60-е годы, да?

Н.В.: Старший сын, брат отца, земский врач.

В.Д.: Как и мой отец.

Н.В.: Он работал в Новосильском уезде Тульской губернии, в Новосиле. Значит второй сын — это отец, был фельдшером. Следующий, брат его, был учителем, а вот четвертого... Ах, да, а четвертой была, собственно, не мужчина, а женщина — дочь. В смысле вот этой передачи, так сказать, по наследству дед успокоился тем, что внуку выдал за попа (*усмехается*). Значит, эта туда линия пошла. А отец, когда кончил фельдшерское училище, получил место в Орловской губернии. Там он женился на дочке управляющего имением. Там было большое имение графа Рибопьера.

В.Д.: Это ваш отец женился на дочке управляющего? Значит, ваша мать была дочкой управляющего имением графа Рибопьера.

Н.В.: Да-да.

В.Д.: Это в каких местах? Где это?

Н.В.: Это под Кромами, в Кромском уезде. Это те Кромы, где в свое время Самозванец* столицу образовал. От этой женитьбы получился я. В то время, когда мне исполнилось три или четыре месяца...

* Лжедмитрий I

В.Д.: Значит, вы родились в этих Кромах?

Н.В.: В Орловской губернии, в тургеневских местах. Когда мне исполнилось несколько месяцев, отец переехал из Орловской губернии в Саратовскую, оставаясь земским фельдшером. Он там работал так называемым пунктовым фельдшером. Скажем, районная или такая больница, она имела своего рода такие пункты, где находились...

В.Д.: Где фельдшер работал без врача.

Н.В.: Да.

В.Д.: Понятно. И вы в Саратовской губернии учились в гимназии?

Н.В.: Мое детство прошло в Саратовской губернии.

В.Д.: В деревне или в городе?

Н.В.: В селе.

В.Д.: Значит, вы в гимназии не учились.

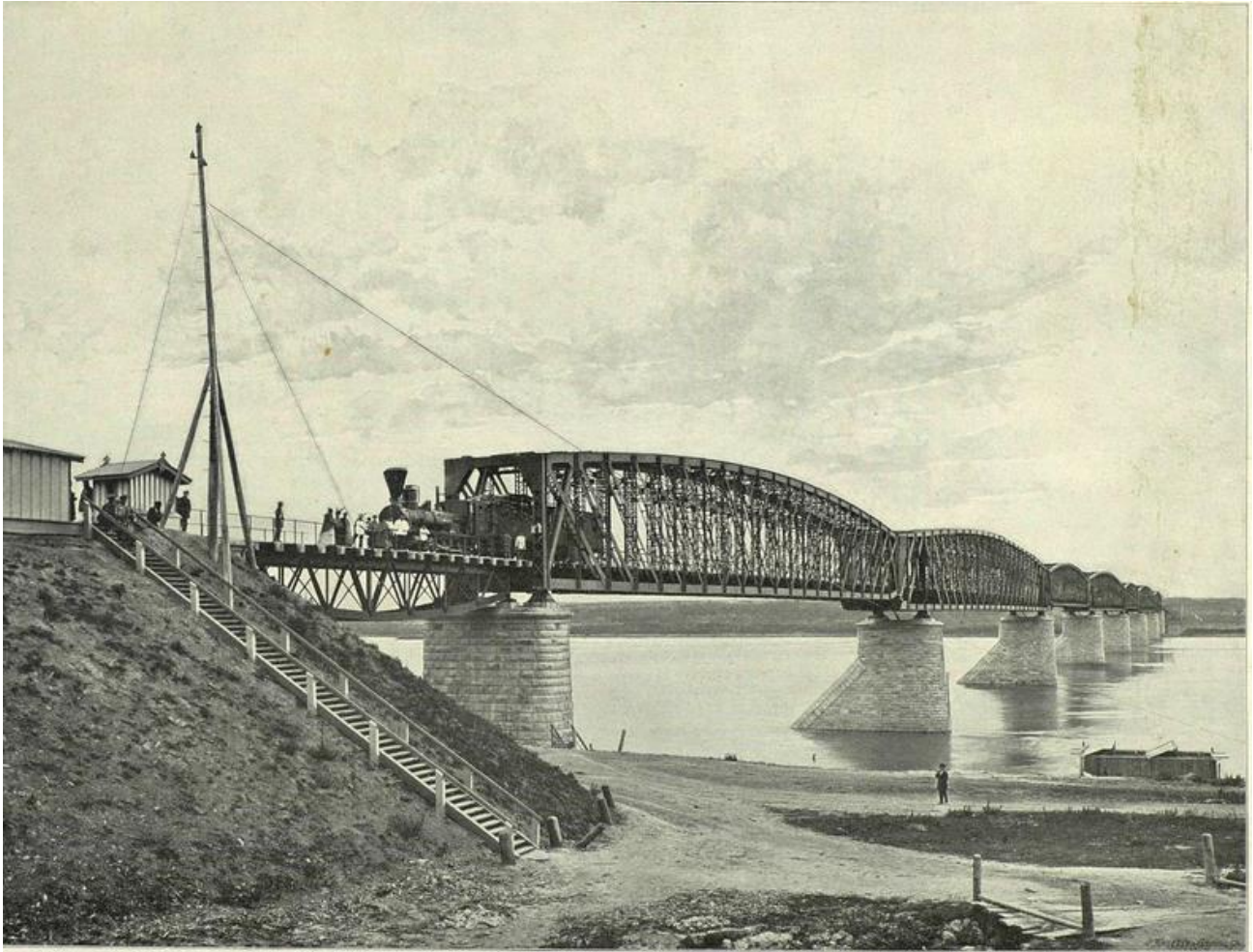
Переезд в Сибирь. Переправа через Обь

Н.В.: Когда мне пошел одиннадцатый год, отец бросил фельдшерство и уехал в Сибирь работать на Сибирской железной дороге.

В.Д.: Ах, вот как вы попали туда! Сибирская железная дорога. Ее еще не кончили строить тогда.

Н.В.: Она еще строилась. Через Обь мы переезжали на лодке, вместо того, чтобы по мосту проходить. Мост только еще делался. Где Новосибирск...

В.Д.: Новониколаевск тогда.

Железнодорожный мост. Вид с правого берега Оби, 1898. Источник фото: humus.livejournal.com

Н.В.: Тогда был Новониколаевск. Там было три избы и дремучий бор.

В.Д.: Что вы говорите?! Разве Новониколаевск не был порядочным городом все-таки?

Н.В.: Ничего подобного, никакого Новониколаевска не было, а была станция Обь. Вот у этой остановочки, небольшого деревянного здания, которое представляет собой железнодорожную станцию, было две крестьянских избы. Это вот все население Новосибирска. Это был 1896 год.

Великий Сибирскій путь.—Grand Chemin de la Sibérie. № 10.
Станція Обь.

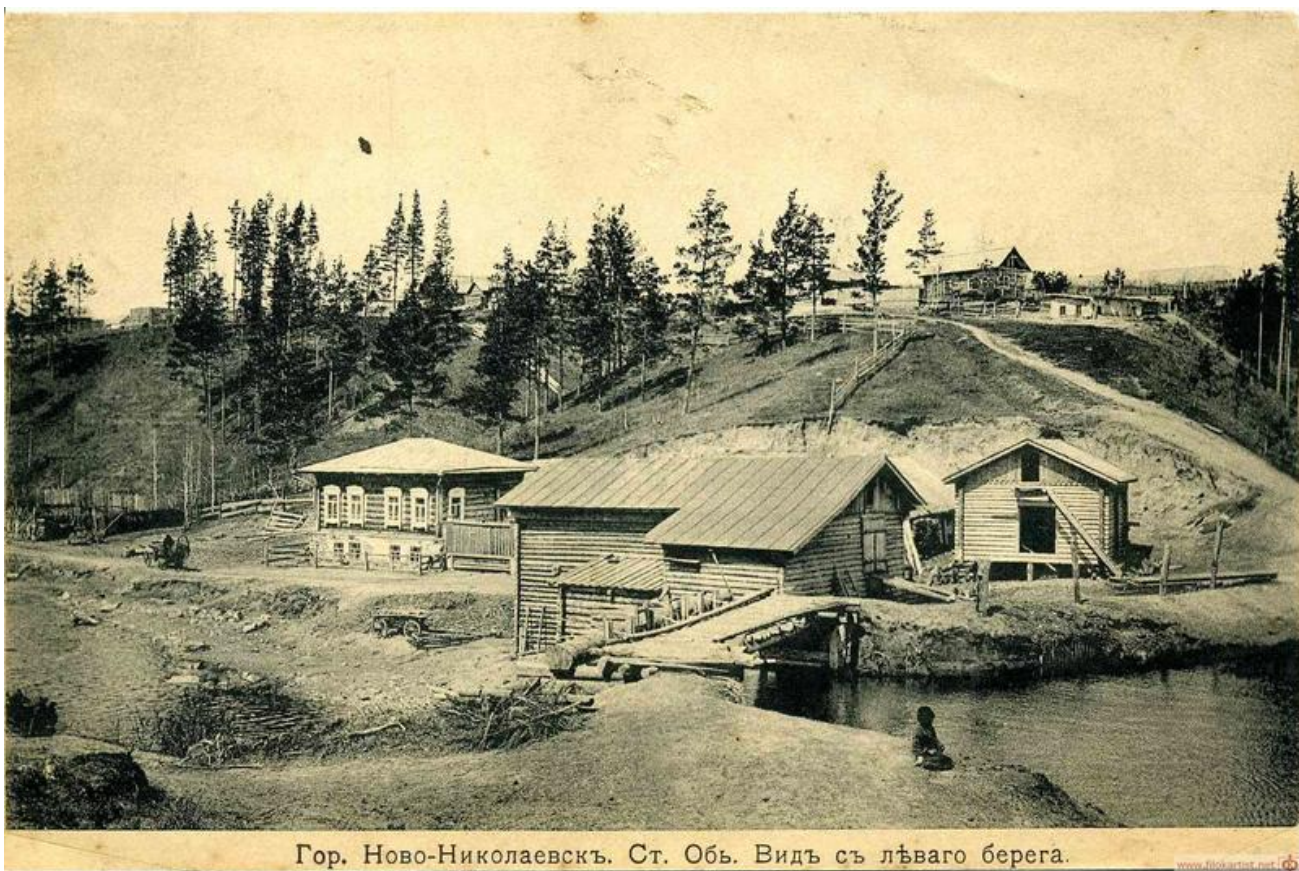
pastvu.com/540138 uploaded by brauning

Вокзал станції Обь. 1896. Источник фото: pastvu.com

Ново-Николаевскъ. Ст. Обь. № 7.
Видъ съ горы.

Вид на станцію Обь с горы. 1890-е гг.

Вид на станцию Обь с левого берега. 1890-е гг.

В.Д.: Так. Уже Маяковский на свете.

Н.В.: Я помню хорошо. Поезд остановился вечером. Станция называлась «Кривощцеково». Это около Оби, где обрывалась дорога.

В.Д.: Она была только до Оби?

Н.В.: Дорога шла и дальше, но моста не было. Я помню, утром отец нанял бричку, мы приехали к Оби. Это версты полторы, что ли, было расстояние до берега, отец нанял лодку, значит, два лодочника... А нас было: отец, моя сестра и брат — нас было трое ребят. Мать оставалась здесь, она с нами не поехала: только что там родился еще братишка. Мы должны были переехать Обь. Это был октябрь месяц. Шла, как они называли там, шуга. На Волге называют сало, а там — шуга. Значит так, там Обь делала такую излучину к теперешнему городу, и вот в силу этого обстоятельства тонкий лед, шуга эта самая шла около того берега.

В.Д.: И вы что, провалились?

Н.В.: А у берега, от которого мы должны были отъезжать, была чистая вода.

” Лодочники работали таким образом: на веслах подходили к этой шуге, а через шугу тащили баграми, цепляясь за льдины, лодку по льду.

В.Д.: Да, страшновато.

Н.В.: Вот. Когда мы были в Кривощцекове, меня заинтриговал один генерал своим видом. Помню, широкие

лампасы, вся шинель обшита красным кантом, и подкладка у его шинели красная была. Этот генерал не спал, всё ходил по залу.

В.Д.: И кто же это оказался?

Н.В.: Он приехал раньше к реке, на несколько минут раньше нашего, нанял лодку... У него было штук двенадцать чемоданов. Вот погрузили они на лодку эти чемоданы, генерала и поплыли. В это время мы отчаливали от берега, когда генерала тащили уже по шуге. И вот на наших глазах льдина перевернулась, лодка перевернулась, и чемоданы, и генерал пошел на дно. Осталась только фуражка. А лодочники были с баграми — они удержались, не нырнули под лед. Ну, они лодку восстановили и поплыли обратно, а генерал, так сказать...

В.Д.: Всё!

Н.В.: Запомнилась мне эта картина.

В.Д.: Еще бы! А что за генерал, вы не знаете? Это не какая-то знаменитость?

Н.В.: Он ехал на Дальний Восток. Вот эта картина мне запомнилась. И жутко было плыть.

В.Д.: Но все-таки вы переправились?

Н.В.: Мы переправились благополучно.

Учеба в гимназии и попытка сбежать из дома

В.Д.: И где же вы там учились?

Н.В.: В Томске. Когда мы приехали в Томск, это был октябрь месяц. Мне дали репетитора, который меня готовил в гимназию, и в 97-м году я поступил в томскую гимназию.

В.Д.: В 97-м? Двенадцати лет? Во второй класс уж, наверное?

Н.В.: Нет, в первый класс. Там переростков принимали.

В.Д.: Значит, там окончили.

Н.В.: Ничего я не кончал. Я перешел в третий класс, и меня тут оставили на второй годиз-за латыни. У нас сменились преподаватели.

В.Д.: Значит, вы по-латыни не потянули, да?

Н.В.: Новый преподаватель решил, что я недостаточно подготовлен. У меня была переэкзаменовка по латинскому языку, и вот этот новый преподаватель меня оставил на второй год. Вместо учения, я стал мечтать удрать в Америку.

В.Д.: Вот какие у вас были!.. Никак не думал, что у вас такие романтические мысли были.

Н.В.: Все учебники были проданы на толкучке.

” Я вооружился: был у меня револьвер «бульдог», два кинжала, потом двустольное ружье пистонное и все такое прочее. Я сговорился с товарищем, приятелем своим. Мы вдвоем эту дурь придумали.

Но я-то рассчитывал идти для того, чтобы избавиться от гимназии, а тот-то занимался...

В.Д.: Хорошо.

Н.В.: Кончилось тем, что когда подошел момент испытания, то он сказал, что если он, так сказать, не выдержит экзамена, то он побежит.

Н.В.: А он выдержал экзамен.

В.Д.: И не побежал.

Н.В.: Во всяком случае, меня он провожал.

В.Д.: И вы уехали?

Н.В.: Нет.

В.Д.: Но куда-то все-таки?..

Н.В.: Подождите. Пешком... Если готовить к этому путешествию, то именно пешком, а вовсе не ехать.

В.Д.: Но вы же знали, что Америка за морем?

Н.В.: Все известно. Имелось в виду добраться до Владивостока, там забраться на какой-нибудь корабль юнгой и доехать до Америки.

В.Д.: Сан-Франциско.

Н.В.: Два варианта было. Один вариант — это в горы Тянь-Шаня, это поближе, перевалить к Индии, туда. Во всяком случае... А удрать-то пришлось каким образом? Отец направил мать: «Сходи в гимназию, узнай, как там дела». А там, что же. Дела какие были. Экзамены-то я не сдавал, ничего (*смеется*). Она пошла в гимназию, а в это время товарищ пришел ко мне. Я знаю, что сейчас разоблачится то обстоятельство, что я ничего там не сдавал. Сложили манатки, и он мне помог. Мы вышли за город.

” Когда вышли за город, в лес, то обнаружилось, что захвачено столько, что я унести не могу. Это учитывалось: была сделана тачка одноколесная.

В.Д. (*смеется*): С тачкой в Америку.

Н.В.: Да-да-да. Представляете?

В.Д.: Чеховская совсем ситуация.

Н.В.: Эту тачку приятель взял делать гору ледяную, для перевозки снега он взял, и тачка находилась у него. И вот, значит...

В.Д.: За тачкой пришлось назад.

Н.В.: Когда мы убедились, что мне не дотащить этого, то договорились так, что он за утро... Я буду ночевать в лесу, на берегу Томи, а он мне тачку эту привезет. А тут картина разыгралась так. Мать пришла: «Где Колька?» — спрашивает у ребят. А дело в том, что детство-то сказывалось. Были случаи, когда меня припирали дома: «А я уйду в Америку», — это в домашней обстановке. Знаете, когда мать пришла... У меня была такая избушка сделана, в саду, где мы квартировали, из старого теса. Там у меня все это хранилось, и нужно было перелезть через забор — и я попадал на главную улицу, которая вводила за город. И вот когда перебирались через забор, братишка видел.

В.Д.: Вас?

Н.В.: Да. Когда мать пришла, спрашивает: «Где Колька?» «Он, — говорит, — с Гошкой ушел в Америку». Понимаете? Мать не была знакома с семьей этого товарища, но знала, где они живут, у них там домишко был на окраине города. Она дунула туда, к нему. И мой приятель вернулся от меня в тот момент, когда

там был семейный совет.

В.Д.: Ну, его забрали, так сказать, учинили ему допрос.

Н.В.: Да. Он потом мне рассказывал. Отец ему говорит: «Ну-ка пойдя сюда, прохвост, где? Рассказывай!» Да, и в комнату заперли его (*усмехается*). Ну, он и выложил все.

В.Д.: И что же, вас вернули от Томи, да?

Н.В.: И вот на другой день, когда я лежал на песочке на берегу реки, с ружьем под мышкой, смотрю — идет компания (а там обрыв такой большой), компания идет: мой приятель, мой брат и два владельца этого дома, где мы квартировали, тоже два сверстника, реалиста, было два брата.

В.Д.: И они вас вернули?

Н.В.: Да, они явились и, мол, возвращайся.

В.Д.: Значит, побег ваш окончился у берега Томи. И затем у вас только трудное объяснение с отцом, и дальше вы уже попыток не возобновляли?

Н.В.: Да.

Занятия рисованием и решение поступать в Московское училище живописи, ваяния и зодчества

В.Д.: Как же дальше пошло ваше учение?

Н.В.: А так и пошло. Осенью отец пристроил: «Знаю, что ты любишь рисовать, там вот есть какие-то занятия по вечерам при бесплатной библиотеке томской. Попробуй туда сходить». Я пошел туда. Там действительно были вечерние рисовальные классы.

В.Д.: А гимназию бросили?

Н.В.: Конечно!

В.Д.: После второго класса? После первого даже.

Н.В.: Нет, после второго, уже на третий... Там просто предложили взять документы.

В.Д.: Исключили за неуспеваемость.

Н.В.: Нет, за дурное, так сказать, поведение, чтобы не было соблазна.

В.Д.: Я думал, вы самого примерного поведения.

Н.В.: Нет. Зимой я ходил в эти классы рисовать, по вечерам я занимался рисованием. Там была учительница ремесленного училища, которая кончила Академию художеств, Черепанова. Там человек пятнадцать собиралось по вечерам. Как-то она меня спрашивает: «Скажите, вы где учитесь?» Сказать, что я нигде не учусь, неудобно. Я говорю, что я сейчас готовлюсь. «Куда?» Я говорю... А приятелю моему тоже всыпали за какую-то провинность, другому приятелю, не который со мной. Его отец отправил в Пермь в железнодорожное училище. И я говорю: «Вот готовлюсь в железнодорожное училище».

В.Д.: Ах, так, понятно.

Н.В.: Она говорит: «Там, что, получаешь специальность дорожного мастера, машиниста? У вас данные такие, что вы могли бы учиться дальше. Ваш отец может вам давать тридцать рублей в месяц?» Я говорю: «Конечно, нет». Отец получал шестьдесят рублей за целую семью. И вдруг тридцать рублей одному оболтуса предоставить (*усмехается*). Я говорю: «Нет. А что? Почему вы спрашиваете?» «А у меня, — говорит, — один мой ученик учится в Москве в Училище живописи, ваяния и зодчества. Я думаю,

вам бы туда поехать».

В.Д.: Так вам же всего тут сколько? Четырнадцать лет всего.

Н.В.: Пятнадцать уже было.

В.Д.: Ага, значит, вы переросток.

Н.В.: Ах, да, нет, или четырнадцать, что-то в этом роде, да, правильно. Я говорю: «Вы напишите вашему ученику, чтобы он написал, как он там живет, какие ему там нужны средства на это дело». Она написала. Он прислал правила Училища живописи, ваяния и зодчества и написал, как он живет. А жил он таким образом. Он жил в бесплатном общежитии, было Ляпинское общежитие* такое, студенческое, совершенно бесплатно. Значит, у него был, как говорится, кров. А в училище он получал пособие на обед три рубля в месяц, такое тоже было, а потом подрабатывал. Когда я эту штуку прочел, доложил отцу. Тот: «Если ты хочешь — пожалуйста. Я тебе билет до Москвы дам». И вот в 901-м году...

В.Д.: Значит, шестнадцати лет: 85-й — 901-й — это уже шестнадцать лет.

Н.В.: Вот. В 901-м году я еду в Москву.

* Ляпинка — бесплатное общежитие для студентов университета и учеников Училища живописи, ваяния и зодчества, основанное купцами М.И. и Н.И. Ляпиными в 1885 г. О братьях Ляпиных и Ляпинке писал В.А. Гиляровский в книге «Москва и москвичи».

” Отец дает мне билет железнодорожный, который дается туда и обратно, талон «обратно» отрезает: поезжай и там устраивайся, как хочешь.

Дает рубль на дорогу, к этому билету, и пятнадцать рублей, которые требовались при поступлении для первого взноса на право учения, за полгода. Вот какая штука.

В.Д.: Да. Вот так начинали русские интеллигенты.

Поступление и учеба на общеобразовательном отделении училища

Н.В.: А мать напекла лепешек корзинку. И вот я с этим рублем и с лепешками доехал до Москвы, не истратив ни одной копейки, только лепешки, потому что кипятки были бесплатно на вокзале. Но здесь интересный такой момент, что в мою жизнь, так сказать, вошел швейцар училища.

В.Д.: О, как интересно! Не только в вашу. Я уже с ним встречался. Как его звали-то?

Н.В.: Антон. Этот Антон был, очевидно, гвардеец, высокого роста, мундир у него был такой суконный с галуном золотым, шапка тоже с галуном, борода такая была, как у Скобелева. Он принял во мне участие.

Прежде всего, вид у меня был такой... Я любил ловить рыбу, и вот для этой рыбной ловли у меня была соломенная шляпа с большими такими полями. Был одет я в рубашку и штаны, сапоги на ногах. Вот он у меня спрашивает: «Так что же это вы, молодой человек, куда же вы это направляетесь?» А мы с отцом не могли разобраться, что такое Училище живописи, ваяния, зодчества. Живопись — понятно. Что такое ваяние и зодчество — это были уже для нас совершенно непонятные слова. Он меня спрашивает, какие... А отец мне написал заявление в училище директору...

В.Д.: А разве можно было в таком возрасте подавать заявление? Ведь это же на базе средней школы все-таки?

Н.В.: Не знаю. Нет, у нас было высшее учебное заведение.

В.Д.: Вот я и говорю. Как же после двух классов гимназии вы могли подавать заявление?

Н.В.: Подождите, подождите. Одним словом, он прочитал эту штуку, сказал: «Никуда не годится это дело». Во-первых, два класса гимназии — это никакой стаж. А у нас было два отделения: первое отделение было общеобразовательное, за курс реального училища, четыре года, и художественное отделение — это высшая часть. Так что я второй класс нашего общеобразовательного училища путал с головным классом художественного отделения. Понимаете? Антон мне разъяснил, что в головной класс я не могу, так сказать, не имею возможности поступить без...

В.Д.: Без среднего образования.

Н.В.: И потом конкурс в головной класс выражался в таких цифрах: на триста заявлений подано двенадцать вакансий. Здесь мне Антон разъяснил, что в тот год, когда я приехал в Москву, в училище открыли новый класс, который как бы был промежуточным между общеобразовательным и художественным отделением. В этом классе все были вольные слушатели. От них никаких наук не требовалось. Они только рисовали. Этот класс в программу училища еще не был помещен, о нем никто не знал.

” В силу этого обстоятельства на шестьдесят вакансий этого класса было подано тридцать два заявления. Антон написал заявление вместо отцовского. Это было тридцать третье заявление.

Но на экзамене было, по-моему, человек сорок, то есть полного комплекта не было. Может быть, благодаря этому, а может быть, я вообще хорошо рисовал, я был принят. Но теперь Антон заинтересовался моим экономическим положением. Он спросил: «Ну, а как у вас насчет финансов?» Я говорю: «Вот рубль имею». — «Слабо. А что вы можете делать?»

В.Д.: «Вы»? Не «ты» говорил?

Н.В.: Нет, на «вы». Он был воспитанный человек. Я говорю, что я в свое время, когда готовился в Америку, написал две вывески для лавчонок, чтобы заработать некоторые тарифы. И он тогда: «Вот позавчера ко мне приходил сосед в переулке, хозяин вывесного заведения и просил, нет ли кого-нибудь, кто бы мог у него немножко подработать. Сейчас работы скопилось, а сил не хватает». Я отправился туда. Это был такой немец Краузе.

В.Д.: Это на Кузнецком мосту, что ли.

Н.В.: Нет, это было в переулке против Почтамта. Он сейчас переименован. Так вот там, около церкви как раз был вот этот вывесчик. Он дал мне пробу: написать «вход». Я ему написал. Он говорит: «Знаешь, можешь зарабатывать девяносто копеек в день». Тогда это колоссальная сумма была. Я у него начал на другой же день работу. День у меня складывался таким образом. В восемь часов я приходил к нему на работу, писал до четырех часов, в четыре часа я кончал работу и шел в школу, где обедал между четырьмя и пятью в школьной столовой.

В.Д.: Бесплатно?

Н.В.: Нет, десять копеек обед стоил. Теперь, после обеда, с пяти до семи, я занимался в училище рисованием, два часа. Затем между семью и восьмью часами я на полчаса забежал в Тургеневскую читальню*.

* Это была первая общедоступная бесплатная библиотека в Москве. Создана по инициативе благотворительницы В.А. Морозовой. Открыта в 1885 году.

В.Д.: Она была уже тогда?

Н.В.: Да-да, она существовала. А к восьми часам я шел в реальное училище Фидлера в Лобковском переулке у Чистых прудов, где были вечерние общеобразовательные курсы Общества распространения коммерческих знаний. Вот на этих курсах я занимался с восьми до десяти. Это было три таких учебных

часа. А потом шел домой. Так что я был занят с восьми утра до десяти часов вечера.

В.Д.: Да. Правильно. Вот так и надо работать.

Н.В.: Да. Я добирался до койки, которую снимал...

В.Д.: В общежитии?

Н.В.: Нет. Просто угол такой. Войлок был у меня, который я расстилал на полу и на нем спал. Утром я должен был этот войлок свернуть в трубочку и убрать. Таким образом я проводил ночь.

Так продолжалась моя работа до так называемых рождественских каникул. Это, значит, заканчивался 901-й год и перевалил на 902-й. Во-первых, меня освободили от платы за учение и дали пособие на обед, нам давали три рубля на обед на тридцать дней, имея в виду, что десять копеек за обед. Это уже облегчило мое положение. А на следующий год, когда я приехал из Томска от отца, который мне присылал билет от Москвы до Томска и обратный, меня студенты выбрали старостой Художественного театра.

В.Д. (с недоумением): Художественного театра?

Н.В.: Художественный театр билеты распространял по институтам. Каждому институту давалось определенное количество билетов на определенные места. Места уже зафиксированы. Нашей школе давали десять билетов на каждый спектакль. Вот эти десять билетов нужно было распределить между учащимися. Для этой операции у нас общее собрание студентов выбирало старосту, и студенты выбрали меня старостой, чем они освободили меня совершенно от вывесника.

В.Д.: Почему?

Н.В.: Так как на каждый билет набавлялся пятак в пользу старосты.

В.Д.: Ах вот как! Это легально, так сказать.

Н.В.: Представляете, пятьдесят копеек в день. А в воскресенье — так целый рубль, потому что на дневной спектакль и на вечерний — двадцать копеек.

В.Д.: Значит, это была платная работа, а не общественная.

Н.В.: Платная. Ее можно было включать в пенсию. Ну, это меня сразу освободило полностью, да я уже и не мог работать, потому что я перешел на первый курс вольнослушателем. У нас уже были такие.

В.Д.: То есть уже головной класс?

Н.В.: Да, по рисунку — в головной, и на первый курс архитектуры я поступил.

В.Д.: А архитектуры — это что? Простите, сколько же вы лет пробыли в этом подготовительном, общеобразовательном? Два года?

Н.В.: Больше. Тут надо заметить...

В.Д.: Я не пойму структуру никак. Значит, были какие-то подготовительные, так? А потом вот что?..

Н.В.: Официальное подготовительное общеобразовательное отделение. Туда ребята поступали в первый класс, через четыре года они переходили по живописи в головной, по архитектуре — архитектурный, на первый курс.

В.Д.: Примерно такая же система, как в консерватории.

Н.В.: Мне в консерватории неизвестно.

В.Д.: Там есть музыкальное училище при консерватории, куда поступают после начальной школы. Они кончают, получают аттестат об окончании средней школы и переходят в консерваторию. У них, конечно, экзамены, но они уже... А вот то, куда вы поступили, это что же такое? Какое-то боковое?

Н.В.: Вот я вам говорю, я поступил в начальный класс, который был организован специально для желающих поступить в училище и показать, что он способен к этому делу или нет. Так называемое выяснение талантов.

В.Д.: Ах, такой был класс еще! Что же, тудавсе-таки можно было поступить даже с двумя классами гимназии?

Н.В.: Даже без ничего.

В.Д.: Самородков ловили.

Н.В.: Да. В процессе занятий можно было сдавать предметы за среднее учебное заведение.

В.Д.: Это вроде школы взрослых, что-то такое.

Революция 1905 года

Н.В.: Да, своего рода. Но тут вклинилось такое обстоятельство. Значит, в 903-м году я, помимо художественного образования, занялся еще и революцией. У нас образовался тайный, по тем временам нелегальный кружок, где мы проходили программу Германской социал-демократической...

В.Д.: Эрфуртская программа Германской социал-демократической партии 1889* года.

* Эрфуртская программа была принята Социал-демократической партией Германии в 1891 году.

Н.В.: А мы проходили это в 903-м году.

В.Д.: Значит, это еще было недавнее время, четырнадцать лет прошло.

Н.В.: Теперь. Это привело к чему? В 905-м году была революция, как известно. Она вылилась в такую форму. После 9 января, расстрела в Петербурге, учебные заведения забастовали, в том числе и мы. Мы, то есть вот те, кто нюхал эту самую революционную грамоту. Мы, значит, поработали над остальной массой студентов. У нас с 10–11 января стали устраиваться сходки. Мы после занятий оставались в училище, тут у нас шла агитация за забастовку. И кончилось тем, что 5 февраля мы забастовали: прекратили занятия и разъехались кто куда.

Я уехал в Томск, как полагается. Отец меня устраивал каждый раз на каникулярное время чертежником в Управление Сибирской дороги. Там в отделе снабжения я чертил канализационные трубы и всякую всячину. В 5-м году, когда забастовали, приехав в Томск, я опять поступил в это же самое отделение, где я до этого три года прозанимался. Но получилось так: к 1 мая там местная революционная организация провела так называемую химическую обструкцию. Путем разлития вонючей жидкости по помещению выкурили служащих Управления железной дороги с работы. Это была такая репетиция, пробная, но она кончилась тем, что всех студентов, которые работали в управлении, выгнали. Я имел наивность отправиться в жандармское отделение и спросить, за что же меня выставили. Жандарм, с которым я разговаривал, открыл стол, вынул маленькую книжечку с надписью «Жандармские правила» и говорит: «Прочитайте пятнадцатый параграф». А пятнадцатый параграф гласил, что жандармские власти не обязаны никому никаких сведений давать. На этом дело и кончилось (*усмехается*). Когда я вернулся в Москву осенью 5-го года...

В.Д.: Перед Октябрьской забастовкой*, да?

Н.В.: Да. Москва бурлила. Тут как раз была Булыгинская дума**.

* Всероссийская октябрьская политическая стачка стала первым общероссийским политическим выступлением рабочих и служащих. Вынудила императора Николая II пойти на уступки и издать Манифест 17 октября 1905 года. 12—18 октября бастовало свыше 2 млн. человек, занятых в различных отраслях промышленности.

** Проект Государственной думы Российской империи, подготовленный министром внутренних дел Александром Булыгиным, вызвал общественное возмущение из-за недопущения к выборам рабочих, бедных крестьян (на основании имущественного ценза), а также женщин, военнослужащих и студентов. Дума должна была минимизировать революционные достижения 1905 года, а ее фактический статус сводился к совещательному собранию при царском правительстве. Выборы и созыв Булыгинской думы были сорваны Октябрьской стачкой.

В.Д.: Это в сентябре еще.

Н.В.: Да-да-да. Вот такая история. Но, во всяком случае, мы решили занятия не возобновлять, забастовку продолжать. Занятий у нас не было, но мы каждый день собирались на общее собрание и обсуждали текущие политические события. А вечерами приглашали специалистов, так сказать, революции, всяких социал-демократов, эсеров и прочее, которые нам делали свои доклады.

В.Д.: Кто же у вас выступал?

Н.В.: Вот помню, эсер был такой, его кличка была «Непобедимый», забыл, как его фамилия... А из социал-демократов был, если я не путаю, Степанов, который нам делал доклад по крестьянскому вопросу. И помню, при этом докладе распространилась маленькая брошюрка, где Н. Ленин* ...

* Псевдонимом «Н. Ленин» Владимир Ильич Ульянов стал подписывать свои работы в конце 1901 года.

В.Д.: «Две тактики».

Н.В.: «По крестьянскому вопросу».

В.Д.: Ах, «По крестьянскому вопросу». Вот тогда вы впервые это имя..

Н.В.: Впервые я узнал это имя. Во всяком случае, кончилось тем, что... Да, при этой забастовке осенью местные московские черносотенцы стали избивать студентов. Студенты в форме — значит...

В.Д.: Смутьян — бей его!

Н.В.: Да. Двоих, я помню, студентов избили и сбросили с Москворецкого моста. Они погибли. Такая история. За мной, помню, на Страстной площади гнались. Я на ходу вскочил в уходящий трамвай и таким образом избежал.

В.Д.: А на Страстной площади уже был трамвай в 905-м году?

Н.В.: Да, ходил, как раз кольцо было. На кольце-то как раз я выскочил. Значит, я сменил форму на гражданскую...

” Одним словом, в училище мы организовали боевую дружину для борьбы с черносотенцами. А потом эта дружина превратилась уже в дружину революционную.

В этой дружине я играл роль помощника начальника дружины и в то же время кассира, поскольку операции с деньгами Художественного театра у меня всегда проходили гладко, никаких у меня дефектов не было, так что меня и тут кассиром сделали. А мы на каждое собрание пускали шапку на оружие, собирали деньги и собрали двести пятьдесят рублей. С этими деньгами меня направляли во всевозможные организации. А уж тут какие были: анархисты, или эсеры, или социал-демократы — уже не знаю. Мне к эти голубчикам давали адреса, чтобы вручить деньги и получить оружие. Но эта операция нам не удалась, потому что каждая организация своих вооружала, на своих не хватало. Во всяком случае, после 17 октября оружейники получили право продавать оружие безо всяких удостоверений и разрешений.

В.Д.: Вот как!

Н.В.: Да. Тут был такой оружейный магазин Биткова, и на эти двести пятьдесят рублей купил пару маузеров

и пять браунингов с полным вооружением.

В.Д.: Боекомплект.

Оружейный магазин А.А. Биткова на Лубянке. Москва, 1900-е гг.

Оружейный магазин А.А. Биткова на Лубянке. Москва, 1900-е гг.

Н.В.: Во-во, таким образом. Так что мы уже, как говорится, вооружились. Здесь был такой момент. Мы захватили училище в свое распоряжение. Вот эти общеобразовательные классы во двор у нас выходили, и эти помещения предоставляли разным организациям под собрания.

В.Д.: Это речь идет о Мясницкой?

Н.В.: Да. И вот был такой момент, когда в один прекрасный вечер у нас собрались делегаты Московского гарнизона. Это самая страшная вещь для администрации городской. Ясно, что об этом было сообщено Дубасову, Московскому генерал-губернатору, который был попечителем нашего училища в то же время (*усмехается*). Дубасов направил распоряжение в Общество московских художников, в ведении которого находилось училище, закрыть училище, ввести солдат. Мы узнали об этом. А это общество переслало бумажку директору, директор созвал в училище совет. Совет собрался поздно вечером. Это уже был ноябрь месяц. Мы решили арестовать совет, если он вынесет решение закрыть училище.

В.Д.: Совет какой?

Н.В.: Училищный совет, своих учителей.

В.Д.: Вот шпана-то!

Н.В. (*смеется*): Да. Совет собрался у директора в квартире, во втором этаже. А из квартиры было три выхода: парадный выход на Мясницкую, выход во двор, а третий — в общеобразовательное отделение. Уйдут, понимаете. Поставили часовых у выхода. На парадном как раз я со своим товарищем

стою. Вот выходит известный в то время архитектор Соловьев, Сергей Устинович. Я спрашиваю: «Что совет решил?» Он такой насупленный, мрачный: «Закреть училище». Я говорю: «А вам придется вернуться назад». — «То есть как назад?» — «Мы решили вас задержать до утра, а утром общее собрание учащихся решит, как поступить с этим делом». — «У меня же дома будут беспокоиться». Мы говорим: «Там же телефон у директора. Вы можете позвонить домой, и все будет в порядке». — «Черт знает, что такое!» Вернулся. Выходит священник, который преподавал в общеобразовательном отделении Закон Божий: «Надеюсь, мне можно?» Я говорю: «Что можно?» — «Ну, у меня же требы». — «Батюшка, какие требы? На улице революция. Какие сейчас требы? Посидите». (*Усмехается*) Он вернулся. Это мне стоило того, что я потом три раза сдавал Закон Божий (*смеются*). После попа выходит художник Коровин, Константин Алексеевич, декоратор Большого театра.

В.Д.: Ой, как интересно!

Н.В.: «Ну, а если мы пойдем скопом, чем вы нас будете держать?» — спрашивает меня. У меня в кармане браунинг. Я говорю: «Вот». Он говорит: «Ну, это пустяки». А под полкой у меня висел маузер.

В.Д.: Это покрупнее, да?

Н.В.: Да. Маузером была вооружена бельгийская армия. Значит, вот так я полу отогнул. Он говорит: «А! Ну, это другое дело. А знаете, мне на десять минут нужно домой съездить. Я вам гарантирую: через десять минут я буду здесь». Он был любимый преподаватель и либерал, так сказать. Я был как раз с товарищем, художником Ротенбергом, говорю: «Борис, поезжай!» И вот они уехали.

В.Д.: Ах, с ним. Все-таки под конвоем?

Н.В.: Под конвоем. Возвращаются ровно через десять минут и волокут две корзины вина (*смеются*).

В.Д.: Арестанты, да?

Н.В.: Да. С этими корзинами они уходят туда, в совет. Больше оттуда никто не выходил. Но в это время пришел наш начальник дружины, был такой художник Зайцев. Мы ему докладываем, что вот такая история — задержали совет. «На кой черт он вам нужен?! Идите, скажите, что они могут уходить», — мне говорит. Я вхожу, там уже распито, настроение у них такое приподнятое. Я говорю: «Господа, можете уходить». Коровин вскакивает: «Черт знает, что такое! Арестовывают — не объясняют, а теперь освобождают — не объясняют в чем дело» (*смеются*).

В.Д.: Какая прелесть! Как это все патриархально.

Н.В.: Я повернулся и все, мне больше там нечего было делать. У нас штаб был в этом общеобразовательном отделении, в учительской комнате. А надо заметить, что внизу при входе, у Антона, сидят два офицера. Понимаете?

В.Д.: Это какие же?

Н.В.: Советские, то есть не советские, а российские офицеры.

В.Д.: А откуда же они взялись?

Н.В.: Подождите. Почтамта, этого здания, не было, который сейчас...

В.Д. (удивленно): Не было разве?

Н.В.: Был палисадник большой, дом был с палисадником. Вот в палисаднике — ружья в козлы, ходит рота солдат, ждут приказа занять училище.

В.Д.: О, так что ваш маузер — подумаешь!

Н.В.: Да. Вот когда мы собрались в этой самой учительской, там начальник... Причем, когда мы ему сказали, что мы арестовали: «Идите и скажите, чтоб они уходили. Мы оказываем вам вооруженное

сопротивление». Такая история.

В.Д.: Кто говорит?

Н.В.: Начальник нашей дружины, Зайцев. Когда мы собрались, то сообразили: нас было всего человек десять или восемь, а там рота солдат с винтовками, а что мы хотим с двумя маузерами (*усмехается*).

В.Д.: Вы могли арестовать офицеров и распропагандировать солдат.

Н.В. (*усмехается*): После прикидывать чего хочешь можно, а в этот момент... Ну, решили уходить. Как раз накануне мы получили десяток смит-вессонов, пистолетов большого калибра. Нужно их вынести. А у меня была охотничья тужурка, где было много карманов: так карманы, тут карманы, боковые внутри карманы. Вот я наткал эти маузеры по карманам. Товарищ меня пошел провожать, так как у ворот стоял часовой с ружьем уже.

В.Д.: Уже их?

Н.В.: Да-да. И мы заметили, что он выпускает из двора беспрепятственно, а кто хочет войти во двор, тех направляет в парадное, где сидели офицеры. Я направился к калитке и вышел совершенно беспрепятственно. В это время я жил в бесплатном общежитии Ляпиных... Одним словом, мы все ушли из училища. Оно было занято солдатами, и возвращение наше туда, конечно, было закрыто. Например, на другой день мы с приятелем пришли к парадным дверям. Они оказались на цепочке. Когда мы постучали, Антон приоткрыл нам дверь, спрашивает: «В чем дело? Что хотите?» Что можно было сказать? Мы сказали, что насчет почты, нет ли писем. А у него сидят солдаты там, около него, на диванчике. Он говорит: «Ничего, пока никаких писем нет». А была почтовая забастовка, конечно, никаких писем не было, это бесспорно. Одним словом, потеряв базу в училище, мы узнали, что напротив, через улицу рядом с Почтамтом находится общежитие Строгановского училища. Это общежитие находилось в руках дружины Строгановского училища. И мы объединились.

Декабрьское восстание в Москве

В.Д.: А где же они были? Напротив? В этом доме, где потом жили все вхутемасовцы?

Н.В.: Нет, вхутемасовцы жили в доме, принадлежавшем училищу живописи. Ведь училище наше против Почтамта... На той стороне, где Почтамт, с левой стороны, владение Строгановского училища было.

В.Д.: Ах, вот что!

Н.В.: И во дворе этого владения было двухэтажное здание, где помещалось общежитие учеников Строгановского училища. Там базировалась боевая дружина Строгановского училища.

В.Д.: И вы к ней примкнули.

Н.В.: Мы просто объединились. В общем было так: нашей группой руководил я, а их группой руководил товарищ Кожин, их командир.

” Кончилось тем, что когда была объявлена Всеобщая забастовка 7 декабря, то в ночь с 7-го на 8-е мы, объединившись, ограбили Битковский магазин, где я покупал оружие.

Мы ночью отправились туда. Там стоял на перекрестке городской, мы его арестовали, заставили поднять руки, наведя на него пустой пистолет, отобрали у него шашку, свисток, револьвер. Одним словом, его обезоружили... Разбив стекло в двери, проникли в магазин, и что было на прилавке, то забрали. А там было очень много всякой всячины. И вот настолько мы много оттуда захватили оружия, что все,

кто не имел оружия в нашей объединенной дружине, получили оружие.

В.Д.: Этот магазин на Мясницкой был?

Н.В.: Нет. Он был на Лубянке. Кончилось чем? Это с 7-го на 8-е мы разгромили Биткова, с 8-го на 9-е был разогнан митинг в «Аквариуме», который мы охраняли. Такая история. То есть там целый ряд дружин был и других, и прочее. А с 9-го на 10-е дружины были собраны в Фидлеровском училище, где я занимался общеобразовательной подготовкой.

В.Д.: А это территориально где?

Н.В.: Это угол Лобковского и Мыльников переулка на Чистых прудах. Там сейчас помещается Академия педагогических наук, вот в этом здании. Сюда был стянут целый ряд дружин: наша дружина художников, затем дружина Высшего технического училища, была такая фирма молочная — Чичкина, вот их дружина... Одним словом, было арестовано, по крайней мере, полтора человека, в результате.

В.Д.: Ах, потом? При поражении.

Н.В.: Потом. Сначала нас туда собрали... По паролю туда входили и все прочее. А задание было такое: захватить почтамт и телеграф.

В.Д.: Ах, вот как! Серьезно.

Н.В.: Вот как ставился вопрос. Но лицо, которое должно было этим делом заправлять, не явилось. Я это объясняю чем? Накануне был арестован такой своего рода общепартийный стачечный комитет.

В.Д.: Большевистский или объединенный?

Н.В.: Был объединенный.

В.Д.: Там были большевики, эсеры и меньшевики?

Н.В.: Эсеры и меньшевики успели уйти, а большевиков схватили. Я думаю, что кто-то из большевиков должен был руководить этой операцией, на которую нас собрали. Но, одним словом, кончилось тем, что не мы захватили телеграф, а нас захватили. Дом был оцеплен полицией, жандармерией и солдатами. Предложили нам сдаться, но мы отказались. В результате произошел бой. Переговоры тянулись очень долго. Видимо, тянули для того, чтобы подтянуть силы. Кавалерия была стянута на Чистых прудах. Одним словом, нас осадили, подтянули две пушки, и по дому были выпущены двенадцать снарядов. Такая история.

В.Д.: Жертвы-то были?

Н.В.: Были жертвы. От первых выстрелов были. Одному реалисту с Фидлеровского училища попал снаряд в живот, разорвал пополам его. Он стоял в простенке и смотрел, что там делается, а они по простенку как раз и били с тем, чтобы обрушить эту стенку. Так что с нашей стороны... После двенадцати этих снарядов мы сдались. Я пытался продрасться, удрать, но это дело не удалось.

Здание реального училища Фидлера после обстрела. Москва, 1905

В.Д.: А вы-то отвечали огнем, нет?

Н.В.: Да, а как же? Отстреливались, и по нам стреляли, и нас стреляли (*усмехается*).

В.Д.: Так что это все-таки был форменный бой для вас?

Н.В.: Дело в том, что мы надеялись, под эту музыку придет помощь извне, но помощь не подошла. После выяснилось, что были попытки прорваться дружин, которые находились вне нашей группы, но так как кольцо оцепления было довольно плотным, они не смогли прорваться.

В.Д.: Так это было все-таки небеспочвенно.

Н.В.: Да. Как раз музыка пушечная вызвала постройку баррикад, понимаете. Баррикады строились, уже когда были вот эти выстрелы. Это в ночь с 9-е на 10-е.

В.Д.: Ага. Декабря.

*Послѣдствія возстанія въ Москвѣ. Декабрь 1905.
Баррикада въ Оружейномъ пер.*

Баррикада в Оружейном переулке. Москва, 1905

Н.В.: Декабря, тогдашнего. Одним словом, мы сдались. Меня сцапали в соседнем дворе. Я выскочил в фидлеровский двор, он был совершенно замкнутый, я выбил сапогом стекла отопления, вышел в соседний дворик, тоже фидлеровский, а там собрались все педагоги и все, которые там жили. Я говорю: «Нельзя ли до утра?» — «Что вы, что вы, куда тут!» *(Усмехается)* И меня забрали, голубчика. Одним словом, всех арестовали. Было арестовано сто пятьдесят шесть человек. И вот когда сдались товарищи (их выпускали постепенно), образовалась такая толпа, оцепленная полицией.

В.Д.: Но уже разоруженная?

Н.В.: Да, обезоруженная.

” В это время кавалерия, стоявшая на Чистых прудах, подъехала к этим арестованным и начала рубить шашками. Они зарубили пять человек, многих ранили и все прочее. Но кончилось тем, что первые солдаты, которые входили в дом вначале, когда шли переговоры, дали залп по этим кавалеристам*.

* Существуют сведения, опровергающие применение отточенных шашек во время начала Декабрьского восстания.

В.Д.: Это казаки были?

Н.В.: Нет, кавалерия Сумского полка.

В.Д.: Значит, часть солдат вас поддержала?

Н.В.: Да, и их командир Рахманинов*, брат композитора, видя такую штуку, дал команду прекратить эту самую рубку. Потом нас построили колонной и отправили в Бутырку.

* Скорее всего, однофамилец. Найти сведений, подтверждающих родство А.Ф. Рахманинова с композитором, не удалось.

Следствие и Бутырская тюрьма

Дальше уже было пребывание в Бутырках. Закончилось тем, что нас выпустили под залог, хотя на следствии нам предъявили статью, которая гласила так: расстрел или повешение. Для военных — расстрел, а для гражданских — повешение. Как для покушающихся на изменение существующего строя.

Продолжалась эта операция революционная у меня около семи лет с перерывами, по сути дела. В общей сложности в тюрьме я пробыл три с половины года, но в рассрочку.

В.Д.: Подождите, а тут что же? Вас отправили в Бутырки... Суд...

Н.В.: Бутырки. Потом было следствие, составлен был обвинительный акт, который был опубликован в 906-м году.

В.Д.: Ну и что же? Вас в результате этой акции упрятали в тюрьму?

Н.В.: Да, еще дополнительно (*усмехается*). Предварительно я просидел восемь месяцев. Через восемь месяцев, когда следствие было закончено, то стали выпускать под залог. Но, например, с Фидлера (сам он был тоже арестован, владелец этого дома) взяли десять тысяч залога. Ну, а с других — по мелочишке. Из училища нас одиннадцать человек попало в процесс. Из этих одиннадцати за шестерых человек родители внесли залог, а за пятерых некому было вносить залог, в том числе и мне. За нас пятерых внесло залог училище. Правда, залог был ничтожный: пятьдесят рублей за штуку.

” Факт тот, что Императорское училище живописи, ваяния и зодчества вносило залог за лиц, которые покушались на переворот, как говорится, государственный.

В.Д.: Да, это еще XIX веком пахнет. В XX так уже не делали. Значит, вот до этого эпизода декабрьского вы в тюрьме не сидели?

Н.В.: Нет.

В.Д.: Началась ваша сидка 10 декабря. Значит, вы просидели Декабрьское вооруженное восстание, вы в нем не участвовали уже.

Н.В.: Да.

В.Д.: И весь почти 6-й год. И когда же вы вышли?

Н.В.: Нет. Выпустили в июле месяце или в августе 6-го года. Восемь месяцев я там просидел. До суда нас выпустили. Потом, в конце 6-го года был суд, в котором мой защитник использовал мой билет на эти курсы. Он доказывал, что я, проходя мимо этого дома вечером, увидел свет в окнах тех классов, где я занимался, вошел туда, думая, что идут занятия, но оказалось, что дом оцеплен, и меня уже не выпустили. Нас защищал Союз адвокатов московских, председателем был адвокат Тесленко, он-то меня защищал. Я был оправдан при первом разборе дела, так как у нас провокаторов никаких не было, никто так...

В.Д.: Никто друг друга не топил.

Арест за карикатуры на царя

Н.В.: Да. После этого прокурор остался недоволен, обжаловал. Пока это обжалование шло, я успел попасть по другому делу. Это уже было в 907-м году.

В.Д.: Но вы были уже на воле с июля 6-го года?

Н.В.: На воле в 906-м году, продолжал революционную деятельность. Не занимался в училище, то есть я там бывал, но занятий как таковых не имел. Я попал по другому делу: по делу оскорбления Его Величества и присных путем изготовления и распространения карикатур на царствующий дом и присных. Фотографическим путем это было сделано.

В.Д.: Это что же, вы какие-нибудь монтажи делали?

Н.В.: Нет. Один из товарищей, бывший в процессе, Иванов, был карикатуристом. Он сидел в Бутырках, был уже вторично арестован, и в Бутырках рисовал карикатуры на царя. Большие такие карикатуры, которые оттуда были переданы на волю. Я получил эти штуки, сфотографировал в размер открытки, и печатали такие открытки с этими изображениями. Вот эту штуку у меня арестовали.

В.Д.: И сохранились эти открытки?

Н.В.: Да. Тогда был арестован аппарат, аппарат девять на двенадцать, а негатив был сделан тринадцать на восемнадцать, и эксперт уголовного розыска постановил, что этим аппаратом нельзя сделать эти негативы, а только девять на двенадцать. Так что, когда меня осудили, суд постановил аппарат мне вернуть, остальные вещественные доказательства уничтожить. Мне дали год крепости за это удовольствие.

” Когда я отбывал это наказание, вдруг меня вызывает надзиратель в кладовку, говорит: «Вот вам прислали вещественные доказательства». А когда чиновник возвращал, он ничего не уничтожил, а все это запаковал и прислал мне.

В.Д.: Обратно? Эти карикатуры? Открытки? В тюрьму?!

Н.В. (усмехается): Да.

В.Д.: Они у вас сохранились?

Н.В.: Нет, на это я не пошел. И негативы прислали туда. Я знаю, что негативы публика плохо читает, я коробку с негативами оставил, а все отпечатки я уничтожил, потому что еще посадят вторично.

В.Д.: И пока вы сидели в крепости, прокурор опротестовал по первому делу?

Н.В.: По первому делу.

В.Д.: И вас снова судили?

Н.В.: По второму делу было так. Меня арестовали, я просидел девять месяцев. Через девять месяцев меня выпустили под надзор полиции, до суда.

В.Д.: Опять такая же формулировка, как у Маяковского была.

Н.В.: Выпустили меня до суда. Судили... То есть да, так и было: в этом процессе, когда я был на свободе, в это время было разобрано второй раз Фидлеровское дело. И там, по второму разу, я уже фигурировал как рецидивист. Там мне дали три месяца тюрьмы, такая история. А затем после второго разбора, меня судили по второму делу и дали год крепости. В крепости я отбывал в тех же Бутырках, в Пугачевской башне.

В.Д.: В одиночке?

Н.В.: Нет, в общей камере. Двадцать человек в камере. И я закончил эту операцию в 10-м году. Это было как раз 10 декабря 1910 года.

В.Д.: Ага. А Маяковский вышел из тюрьмы 9 января 1910 года. Как интересно! Это как будто к Маяковскому совсем отношения не имеет...

Н.В.: А где он сидел?

В.Д.: Тоже в Бутырках. Одиночка №103. Теперь у меня вписывается очень, как это вообще было. Значит, это такая была практика: отпускали до суда под залог.

Н.В.: Да, под надзор полиции. Я не имел права никуда выезжать без сведения полиции. А был у меня такой случай. Я на Рождественские каникулы обыкновенно ездил в Орловскую губернию к своей бабушке, матери моей матери. И вот подходят каникулы. Что делать? Если я в полицию заявлю, что я еду туда-то, туда будет дана телеграмма за мной следить, а там урядник, и он покоя не даст, будет ходить, как хвост.

” Так я дал адрес деда отцовского, попа, который уже помер давным-давно, и там никого в живых не осталось. Так я дал адрес туда, в Калужскую губернию, а сам поехал в Орловскую.

В.Д.: И вам это сошло благополучно с рук?

Н.В.: Конечно. Я две недели там погулял, возвращаюсь в Москву, иду в общежитие, я жил на Ляпинке, навстречу идет околоточный: «Господин Виноградов, откуда вы?» Я говорю: «Приехал, вот ездил к деду». — «Мы туда запрашивали. Мы получили ответ, что вас там нет. Ну да черт с ним! Раз вы приехали, то наплевать».

В.Д.: Так. Теперь, когда же вы?.. Вы вступили в это время в РСДРП большевиков или нет?

Н.В.: Нет-нет, я был беспартийный.

В.Д.: Всю эту историю вы прошли как беспартийный. А когда же вы вступили? Уже после революции?

Н.В.: Я вступил в 17-м году.

В.Д.: Ах, так. А тут вы побунтовали вместе со студентами и вернулись к учению?

Н.В.: Да, вот как раз в 10-м году я вернулся и приступил к занятиям.

В.Д.: Значит, у вас в общем это все заняло все-таки очень много времени?

Н.В.: Революционная деятельность — там еще два года до 5-го года — это семь лет, а в смысле всяких этих судебных дел — это пять лет.

В.Д.: А с кем-нибудь из крупных большевиков вам в это время приходилось встречаться?

Н.В.: Каких крупных? Даже мелких-то не было (*усмехается*). Не было большевиков.

В.Д.: А все это дело происходило...

Н.В.: Тогда было уже объединение, понимаете.

В.Д.: Объединенная партия — это 906-й год.

Н.В.: Вот именно. Вот как раз я и сидел-то в это время, так что там у нас никто не называл себя большевиком, ни один.

В.Д.: Ну, почему? Разве не сохранялись все-таки сами эти наименования?

Н.В.: Нет. Были социал-демократы — и всё.

В.Д.: Но в будущем...

Н.В.: Эсеры себя величали, да и то как-то под конец они разделились: стали максималисты, эсеры и так далее. Тут появились анархисты.

В.Д.: Но с вами-то сидел кто-нибудь из видных социал-демократов?

Н.В.: Никого нет, ни одной души. То есть социал-демократов много было, очень много.

В.Д.: Нет, из именованных таких.

Н.В.: Тогда же это не имело значение.

В.Д.: Да, нет, я просто интересуюсь.

Н.В.: Может, кто и сидел, может, я и знаком был, но я этого не знал.

В.Д.: Потом вы учились...

Н.В.: Я сидел в одиночке... У Маяковского какая одиночка?

В.Д.: Сто три.

Н.В.: Сто три. По-моему, я тоже в этой одиночке сидел. Там было так. Меня посадили в одиночку, которая была угловая, полутемная, в первом этаже, у меня заболели глаза. А вот эта сто третья — это третий этаж. Меня перевели в третий этаж. Рядом со мной сидел Милюков, это брат этого...

В.Д.: Брат Павла Николаевича сидел в Бутырках?

Н.В.: Да-да.

В.Д.: Он что, тоже кадет был?

Н.В.: Кадет. Сидел со мной рядом, ходили вместе в баню.

В.Д.: А сам-то он кто был?

Н.В.: Он был архитектором.

В.Д.: Я не знал, что у Милюкова брат. Младший?

Н.В.: По-моему, да.

В.Д.: Я нигде не встречал. А, вот это интересно. Вообще, там ведь недолго сравнительно... Это как считалось? Каторжная тюрьма?

Н.В.: Нет, одиночка следственная, подследственная.

В.Д.: Следственная. Но вы отбывали там и...

Н.В.: Отбывал я уже в Пугачевской башне, тут уже были так называемые крепостники, это уже постоянные. В Бутырках были каторжане. Был выстроен специальный корпус в сторону Новослободской улицы, он и сейчас стоит. В нем была устроена фабрика, в которой работали каторжане.

В.Д.: А из ваших товарищей еще кто-нибудь сидел тоже?

Н.В.: Приговоренных? Да, были.

В.Д.: Вы вернулись, таким образом, в училище, уже за эти годы прошло несколько поколений?

Н.В.: Да. Был такой момент, когда было вывешено объявление, что увольняются за невзнос платы такие-то студенты, в том числе была моя фамилия. Понимаете, я был очень популярен в студенческой среде, благодаря вот этому старостату. Ребята сейчас же собрали деньги, за меня внесли и мне сообщили: «Не беспокойся, мы уже все это дело исправили». Главное, замечательно: когда я выходил из тюрьмы, то меня сейчас же старостой на место перевели, а того, который меня заменял, вон.

В.Д.: И вы вернулись сразу в студенческий свой коллектив?

Н.В.: Да.

Преподаватели Училища живописи, ваяния и зодчества

В.Д.: Николай Дмитриевич, я вас очень прошу как можно полнее охарактеризовать Училище живописи, ваяния и зодчества, в котором вы, насколько я понял, провели много времени. Вам, что называется, и книги в руки: дать картину работы, характеристику профессуры, студентов. О студентах вы сказали, говоря о революционной деятельности. И уже на этом фоне то новое, что вы можете сказать в смысле личных контактов, будет, конечно, совсем иначе звучать. Прошу вас. Вы долго были в училище.

Н.В.: Да, я пробыл в училище четырнадцать лет: я поступил в 901-м году, а окончил в 915-м году. За это время прошло целое поколение художников, скульпторов и архитекторов.

Поступил я в так называемый начальный класс, класс по рисунку, который находился между двумя отделениями: общеобразовательным и художественным. В этом классе начальном (штата определенного еще не было, он только что открылся) велось дежурство преподавателей из других классов. В частности, мне запомнился случай, когда мы рисовали голову Давида Микеланджело. Я нарисовал полностью, что видел, но Давида я не чувствовал в своем рисунке. Дежурил Серов, Валентин Александрович. Он подошел, посмотрел на меня, удрученно сидящего, спросил: «Что это у вас такое?». «Вот, — я говорю, — нарисовал, а не вижу Давида». — «Ну-ка, дайте мне уголек». Сел он на мое место и положил два штриха: один штрих — это около губ, а второй — около ноздри, — и стал Давид. Вот это мне запомнилось.

А другой случай был такой. Дежурил Горский, старый преподаватель. Он очень любил подправлять. Он сел на мое место, взял уголек и, расспрашивая, кто я такой, кто мои родители, все время подрисовывал. Когда он закончил, я решил, что преподаватель прорисовал, значит будет хорошо. Я не стал трогать рисунка. За это я получил третью категорию. Это самое низкое качество.

В.Д.: А кто определял категории? Сам же Горский?

Н.В.: Нет! Совет. Каждый месяц когда заканчивался, выставлялись работы всех учащихся, и училищный совет, состоящий из художников, ставил категорию. Первая категория — это высшая оценка, средняя — вторая и низшая оценка — три. Ну, это равняется примерно: пять, четыре и три.

А дежурили в нашем классе тогда такие художники, кроме названных. Это два брата Коровиных. Константин Алексеевич, а второго я забыл, как его звали, но оба они были академиками. Касаткин дежурил...

В.Д.: Это Николай?

Н.В.: Да, Николай Алексеевич. Бакшеев, но надо заметить, Бакшеев — сравнительно молодой как художник.

В.Д.: Он недавно сравнительно умер.

Н.В.: Да. Он дожил до девяносто девяти лет. А из преподавателей скульптуры в мое время был Трубецкой и Волнухин. Что касается архитекторов, то у нас там такой был подбор: это академик Сергей Устинович Соловьев, затем Ноаковский, замечательный рисовальщик, потом Иван Павлович Машков, старожил такой большой вот в этом деле, затем Мейснер, еще ряд там других руководителей. Была замечательная

библиотека в училище.

В.Д.: Простите, еще о преподавателях. Вы называли, кажется, а вот сейчас в перечислении опустили фамилию Милорадовича.

Н.В.: Да-да, Милорадович, который написал большую картину. Она, кажется, в Русском музее. Это «Осада Троицкой лавры XVII века»*.

* Картина называется «Оборона Троице-Сергиевой лавры»

В.Д.: А что это за художник?

Н.В.: Потом, вот, Пастернак тоже, Архипов. Такой букет.

В.Д.: Это все еще в этом общеобразовательном классе?

Н.В.: Нет-нет. Этот класс был, где не прошли, первый год, а затем там прикомандировали двух преподавателей. Обыкновенно два преподавателя было в классе. Вот, скажем, головной класс — были Корин и Горский, но не этот Корин, который помер, это племянники его. Вот эти два преподавателя вели головной класс. Касаткин и Милорадович вели фигурный класс. Вот кто был в натурном классе в это время, я сейчас уже забыл, но, во всяком случае, натурный класс вели Архипов и Пастернак. Эти вот работали в натурном классе. А потом у нас ведь последние были так называемые мастерские. Портретную мастерскую вдвоем вели Серов и Коровин. Потом у нас была еще мастерская животных, там рисовали животных. Выскочила его фамилия, в Третьяковке его картина «Лоси около стога»*.

* Речь идет об Алексее Степановиче Степанове.

В.Д.: Ватагин что ли?

Н.В.: Нет-нет. Ватагин учился сам. Вот преподавательский состав в мое время.

В.Д.: Николай Дмитриевич, я держу в руках том «Маяковский в воспоминаниях современников», и тут есть воспоминания о Маяковском Льва Федоровича Жегина (Шехтеля).

Н.В.: Знаю, знаю.

В.Д.: Это опубликовано в 1963 году, написано много раньше. Он пишет так. Жегин Маяковского как художника не очень признает. «Маяковский сам, вероятно, сознавал, что живопись — не его призвание. Он писал маслом, ярко расцвечивая холст, достигая внешнего весьма дешевого эффекта.

Наши профессора — довольно безобидный и совершенно безличный старичок Милорадович и Касаткин, считавшиеся «грозою» учеников, требовавший точного рисунка и знания анатомии, делали вид, что не замечают новаторских попыток Маяковского и даже похваливали его за колорит, ставили ему удовлетворительные отметки, кажется немного его побаиваясь.

Маяковский подтрунивал над обоими, бормоча им вслед: Косорадович и Милорадкин».

Вот я вам эту цитатку прочитал, чтобы вы сами дали, отталкиваясь от нее или присоединяясь, характеристику этих преподавателей, в частности, справедливо это, в отношении Милорадовича, что он совершенно безличный старичок?

Н.В.: Дело в том, что Лев Федорович ведь имел уклон, как тогда называли, левый, вот именно где новаторы. Вот его друзья, понимаете, Ларионов, Гончарова и другие.

В.Д.: Вы лично с ними не контактировали? Вы были более академической ориентации?

Н.В.: Нет. Видите ли, уклон мой был архитектурный, живописью я не занимался, хотя я держал экзамены. Хотел быть художником и писал этюды. Но я в данном случае аполитичен был, в смысле направления живописного. Я дружил и с теми, и с другими. Интересная вещь, как бы она ни сделана, в какой бы манере, остается интересной. А если дрянь какая-нибудь, то какой бы великий человек не был, — все равно дрянь.

Вот Ларионов, тот же Лев Федорович — это мои друзья по школе, так что я им симпатизировал. Сам-то Лев Федорович — слабый художник. Отец у него талантливый был, действительно.

В.Д.: Отец — это архитектор, который друг Чехова?

Н.В.: Да-да. Вот тот был талантлив, а сынок...

В.Д.: Он лирический. У него хорошие вещи.

Н.В.: Ну, лирические, но это не шедевр. Есть вещи, на которые смотришь и своего рода учишься на них. На Льве Федоровиче учиться не приходится. Она, может, симпатична, так краски подобраны, настроение такое есть, но сказать, что это шедевр, не выходит совсем. Ну, а как он дает характеристику Милорадовичу и Касаткину — это вот именно отношение левых. Ведь Касаткина превознесли, собственно говоря, в советское время. Хотя там вот его «Шахтеры» были любопытны, но все-таки он не гремел, он не гремел. А его возвели за политическую часть уже в советское время. Конечно, художник он неплохой.

Вот он пишет, что они, мол, побаивались Маяковского. А ведь выставили же его! Они же выставляли (*смеется*).

В.Д.: Ах, в смысле «уволители»?

Н.В.: Ну, да, уволили же его, и уволена была целая группа.

В.Д.: А Милорадович?

Н.В.: Милорадович слабее. Вот о Милорадовиче я могу рассказать одно обстоятельство, очень любопытное, вот его психология что ли... Был «Бубновый валет», знаете?

В.Д.: Знаю.

Н.В.: Первая выставка «Бубнового валета». Это было в 10-м году. Только что я вышел из Бутырок, на другой или на третий день было открытие этого «Бубнового валета».

В.Д.: Это, значит, Машков, Кончаловский.

Н.В.: Кончаловский, Машков, Ларионов, Якулов — нет числа, там было много народу. Вернисаж был днем, вечером спрашивают ученики Милорадовича в классе: «Константин Сергеевич*, как вы относитесь к «Бубновому валету»?» А он ядовитый старичишка был такой.

* Оговорка. Милорадовича звали Сергей Дмитриевич.

” «Да как сказать? Вот представьте себе гостиную, ковер постлан, по ковру ползает младенец. И что-то он там сделал. Пришла горничная и убрала. И всё. Никого это не шокирует, никого это не волнует. А представьте себе, если это сделает взрослый человек?» Это отношение к «Бубновому валету»

В.Д.: Да, но он, конечно, неправ. Между прочим, в этом есть теоретическая позиция...

Н.В.: Милорадович неправ? Ну, конечно! Так это всякий знает, что не прав.

В.Д.: Ведь там же было созвездие талантов.

Н.В.: Да. Нет, я говорю о том, каково отношение его было. Это показывает, какой у него был взгляд на живопись.

В.Д.: Да. Ну, теперь понятно, почему Маяковский так от него отталкивался. А у Серова вы непосредственно... Когда вы рисовали маску Давида, это был какой же класс?

Н.В.: Это начальный класс.

В.Д.: Головной?

Н.В.: Вот этот промежуточный. Это именно первый год этого класса.

В.Д.: Это до сидки еще? До тюрьмы?

Н.В.: Да, да.

В.Д.: А когда вы вышли из тюрьмы, вы попали в какой класс?

Н.В.: Я же был по архитектуре.

В.Д.: Вы уже в основном были?

Н.В.: Я был на четвертом курсе.

В.Д.: Если вы были на четвертом курсе, что же вы еще четыре года делали там?

Н.В.: Видите, как история. Я ценза-то не имел всегда. Я в тюрьме подготовился и ряд лет сдавал за общеобразовательное отделение, а потом сдавал еще за первые три курса архитектурного отделения. В эти четыре года-то и вкладывается вся эта музыка.

В.Д.: Значит, вы много экзаменов сдали.

Н.В.: Ну, все сдавал. Вот с Законом Божьим у меня какой камуфлет был. Я должен был сдавать, прихожу на экзамен...

В.Д.: Это которого вы батюшку арестовывали?

Н.В.: Да. Он мне задает что-то там из катехизиса, что нужно было отвечать наизусть. Ну, тык-вык, я ничего ему не могу ответить. Он: «Придите в следующий раз». Меня как-то это взорвало что-то, черт его знает. Выходя из класса, хлопнул дверью, пошел обедать. Пообедал, успокоился, пошел спросить попа. Как раз он кончил экзамены, идет по коридору с журналом под мышкой.

” Я подхожу, говорю: «Батюшка, что же катехизис нужно обязательно наизусть или можно своими словами передавать?» — «Поменьше революцией занимайся!»

Три раза я держал. И третий раз срезал, последний, тот срезал! Вышло таким образом. Нас держало пять человек. У попа ассистентом был Милорадович. Милорадович, надо заметить, бывший певчий Троицкой лавры (*усмехается*). Поп срезал всех. Я вторым сдавал, там третьего проехали, остался один — художник Пичугин. Он сейчас как будто еще жив. Когда он перешел к Пичугину с вопросами, в это время пришел инспектор Гиацинтов, сел послушать, как идет экзамен. А Пичугин, художник, он тоже из Лавры и тоже из бывших певчих. Значит, поп ему задал: «Прочтите «Иже херувимы»». Понимаете? Он привык на клиросе петь, а рассказать он не мог, не вышло так быстро. А поп нас спрашивал как? Вот стол, он спиной к столу и через плечо спрашивал. Пичугин заткнулся. Милорадович, зная, что он знает, потому что он же на клиросе пел, должен знать, говорит: «Нехорошо, Сергей Иванович. Ну, с тех спросить нельзя, — показывает на нас, а мы сидим там четверка в углу, — с тех спросить нельзя, а вам, знаете, нехорошо». А тот не растерялся, говорит: «Сергей Дмитриевич, вы же хорошо знаете, что я знаю, но я не могу отвечать, когда батюшка так спрашивает», — через плечо. Гиацинтов наклоняется к попу, говорит: «Батюшка, зачитите им всем». (*Смеется*) А у него в журнале «неуд», понимаете. Он стал переправлять.

О Бурлюке, Ларионове и Гончаровой

В.Д.: Ну, а с Серовым еще у вас были какие-нибудь контакты?

Н.В.: Нет. Больше мне не приходилось. То есть встречать — встречал...

В.Д.: А похороны вы хорошо помните?

Н.В.: Нет, не особенно.

В.Д.: Я вам потом могу пустить одно описание похорон интересное*. Вы Маяковского-то слышали на похоронах?

* Имеется в виду запись воспоминаний художницы Евгении Александровны Ланг, которую В.Д. Дувакин записывал в марте 1969 года (№ 94).

Н.В.: Нет.

В.Д.: Значит, вы не до конца были. Ведь Маяковский речь говорил на похоронах.

Н.В.: Нет-нет, не присутствовал.

В.Д.: Вы не присутствовали при этом? Ну, а Бурлюка вы встречали?

Н.В.: Его Ларионов называл «камбала'», он одноглазый был, один глаз у него не действовал, так вот он...

В.Д.: А с Ларионовым вы дружили?

Н.В.: Дружил, как же!

В.Д.: И Наталью Сергеевну знали, Гончарову?

Н.В.: Да.

В.Д.: У меня есть очень интересная запись Боброва о ней, воспоминания*. Вот расскажите об этих двух людях, о Гончаровой и Ларионове.

* Эти воспоминания, наговоренные Бобровым сразу же после того, как он узнал о смерти Натальи Гончаровой, были переданы Сергеем Павловичем Дувакину после их бесед.

Н.В.: Так ведь вот они составляли ту самую группу, в которую входил и Маяковский, которую выставили.

В.Д.: Ах, их тоже исключили?

Н.В.: Всех, всех. Это целая компания, человек десять выставили.

В.Д.: Значит, не только за выступления?

Н.В.: Нет-нет, именно за живопись. Там получалось так. Значит, тот же Бурлюк, например... Натурщица сидит. Он ей бок розовой краской запузывает, а преподаватель: «Где же вы это видите?» — «А я так чувствую». — «Ах, вы чувствуете, так почувствуйте там, за дверями». Такая история (*усмехается*).

В.Д.: Рисую ее розовой краской? Ну, сезанизм, что ж.

Н.В.: Ну, да-да, это как раз так оно и было. Ларионов, Гончарова — так это всё... А с ними я дружил. Мы жили близко один от другого. Гончарова с Ларионовым — это муж и жена. А отец Гончаровой архитектор и имел домик в Трехпрудном переулке. И вот Ларионов и Гончарова жили в этом самом домике, а я жил в Козихинском переулке, рядом. И вот мы часто... Выставку устраивали — «Мишень». Знаете, Ларионов устраивал выставки, которые имели свои названия: «Ослиный хвост», «Мишень». Вот когда устраивали «Мишень», он у меня брал китайские лубки на эту выставку. И помню так, там такая красивая была одна художница... Они ведь были, как говорится, народ безденежный, выставки они устраивали домашним способом: вся команда, все знакомые принимали участие, и окантовывали, и развешивали, и всякая всячина, всё. И вот эта особа, красивая, и вот такой лишай у нее во всю щеку...

В.Д.: У кого?

Н.В.: У одной там художницы, которая принимала участие в этой выставке. Я спрашиваю: «Что это такое, почему такая чертовщина?» — «Да, знаете, вот мы раскрашивали физиономии, ходили. Я мазнула клеевой краской, а там какая-то дрянь оказалась. Вот отсюда лишай такой получила». Они ведь физиономии красили.

В.Д.: А вы видели их раскрашенных?

Н.В.: Ну а как же!

В.Д.: Кого вы видели раскрашенным? Маяковский, по-моему, никогда не красился.

Н.В.: Нет, у него какая-то мушка была наклеена. Бурлюк раскрашивался, потом Ларионов и Гончарова...

В.Д.: И Гончарова тоже раскрашивалась?

Н.В.: Тоже раскрашивалась. И там еще ряд художников. Ле-Дантю был такой...

Н.С. Гончарова. Страница манифеста футуристов «Почему мы раскрашиваемся». Журнал «Аргус», 1913

В.Д.: Ле-Дантю? Муж Лешковой.

Н.В.: Да. Ну, одним словом, целая же компания была их.

В.Д.: Интересно. Машков? Эти нет, старики?

Н.В.: Я не помню, по-моему, он...

В.Д.: В основном «ослинохвостцы».

Н.В.: Вот такая была какая-то группа молодежи в то время.

В.Д.: И Бурлюк, конечно.

Н.В.: Да. Их два Бурлюка, они оба принимали участие.

В.Д.: Давид и Николай. А Николай учился в училище живописи?

Н.В.: Другой-то? По-моему, тот не учился. У меня два карпика валяются Николаева, вроде какой-то кожи крокодильей, беспредметные вещи такие, малоинтересные совсем. Вот Татлин, вот...

В.Д.: А вот к Татлину как вы относитесь? Художник он?

Н.В.: Художник, конечно, художник.

В.Д.: Сильная он фигура, или это все спекулятивно? Ведь разные точки зрения.

Н.В.: Да ведь, видите, он даже памятник этого Коминтерна загнул. Теперь везде печатается.

В.Д.: Ведь он ничего не довел до конца. А его контррельефы вы знаете?

Н.В.: Так всё... Татлин на глазах был. Он учился у нас в училище. Это было перед 905-м годом. А когда я вышел из тюрьмы, его уже не было. Он был в академии в Петербурге, туда перекочевал.

В.Д.: Ах, он перешел туда. И вы на протяжении всех этих лет оставались в этой своей выборной должности старосты?

Н.В.: Вот, тем самым старостой. Там даже был случай, когда избili старосту учащиеся за неправильную раздачу билетов. У меня был какой принцип? Я никому на сторону не давал, только учащимся, и вел строгий учет. У меня сохранилась тетрадка, где у меня перечислены все участники, за один год сохранилась.

В.Д.: Вот вы следующий раз с ней и придите.